

ТРАНСКУЛЬТУРНАЯ МИГРАЦИЯ И ПОТЕНЦИАЛ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Настоящее и будущее: новые факторы всемирной истории. Проникновение европейских форм науки и техники практически во все цивилизации человечества стало самым существенным результатом XX века в мировой истории. Научно-техническую эпоху еще в середине XX века К.Ясперс определил как новое основание единства человечества¹. Она стала «предпосылкой» и «возможностью всемирного общения»². Но единство человечества Ясперс не мыслил как путь к унификации культур. Он исходил из идеи уникальности и экзистенциальной коммуникации культур. Радикально иными оказались интерпретации интеграционных процессов и единства человечества в теориях глобализации, которые появились в последние десятилетия XX века. Так, например, в одной из наиболее известных теорий Р.Робертсона предлагалась идея о мире как «едином месте» (a single place) и «глобальном человеческом состоянии» (global-human condition)³. В это же время появились труды, усматривающие мировоззренческие истоки глобализма в идеях Просвещения. В них полагалось, что идеал прогресса уже достигнут в ведущих странах глобализации. И в этом смысле дальше идти некуда – конец истории наступил. На смену истории должна прийти трансформация всех запаздывающих культур по образцу ведущих стран глобализации.

Транскультурная миграция и особенности культурогенеза в перспективе XXI века. До научно-технической эпохи как нового основания единства человечества, многообразные его цивилизации, хотя и имели контакты, но все же в высокой степени сохраняли обособленность своего исторического развития. Поэтому культуры в своих пространственно-географических границах демонстрировали высокую степень цельности,

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 53.

² Ясперс К. Там же. С. 95.

³ Robertson R. Globalization: social theory and global culture. London, Sage Publications. 1992. P. 27, 182.

которая несколько размывалась на границе. Но ядровые структуры не так уж трудно можно было схватить теми или иными теоретическими конструктами (философии культуры или теории культуры). Однако ситуация принципиально меняется в современном мире, в котором человечество, интегрированное на новом уровне, обретает не только возможность всемирного общения, но и сталкивается с опасными тенденциями. Одна из них - транскультурная миграция, если она становится массовой. Она влияет как на «принимающую» культуру, деформируя ее мировоззрение и актуализируя этнические компоненты ментальности, так и на «проникающую», лишая ее полноценного культурологеза. Оторванные от собственной почвы индивиды в чужом культурном ареале пытаются создавать анклав своей культуры, которые неизбежно ограничены по возможностям культурогеза. Как известно, И.Тэн еще в XIX веке отмечал связь трех детерминант полноценного культурогеза: общая земля, язык и историческая судьба. Только это дает условия полноценному развитию организма культуры.

В XXI веке сосуществование в одном пространстве разных культур становится общим местом. В одном цивилизационном пространстве – соприкасаются фрагменты (и языки) разных цивилизаций и культур. Казалось бы такое культурное пространство напоминает семиосферу Лотмана, всю изборожденную границами, на которых и рождаются новые смыслы («тексты культуры»). Но в нашем контексте этого не происходит. Следует иметь в виду, что у Лотмана речь идет о внутренних границах⁴, на которых происходит рождение новых смыслов, и о целостности семиосферы. В ситуации транскультурной миграции проблемой становится не описание ситуации диалога, а его отсутствие. Закрытость от диалога - формирование в одном цивилизационном пространстве замкнутых культурных анклавов, не вступающих в коммуникацию. Культуры как бы не видят друг друга, а процессы культурогеза в таком пространстве протекают в параллельных,

⁴ Лотман Ю.М. О семиосфере // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллин. 1992. С. 17.

непересекающихся мирах. Все пространство изоборждено границами, но эти границы не внутренние, а внешние, даже непроницаемые границы.

Ни глобальной, ни мультикультурной культуры не бывает. Диффузное проникание чужеродной культуры само собой к взаимодействию не приводит, но оно способно серьезно осложнить естественный процесс культурогенеза. Практика миграционной политики в Европе, которая не дала ожидаемого результата, сегодня красноречиво доказывает эту истину для тех, кто сомневался в аргументе философской мысли.

Целостность культуры и анализ на микроуровне: потенциал неклассической культурологии. Культурфилософская и культурологическая мысль в России изначально была ориентирована на понимание культуры как уникального, самоценного и самоцельного исторического образования, которое традиционно выражалось понятием тип. Поэтому основные концепты классической культурологии были ориентированы на выражение целостности культуры и разработку соответствующего методологического аппарата. Но в современной ситуации культуры, когда ее целостность становится проблемой, концепты классической культурологии не во всех ситуациях оказываются продуктивными. Это не означает отказа от идеи целостности и уникальности культуры, но говорит о том, что новая ситуация культур и процессы культурогенеза в перспективе усиливающих тенденций интеграции и унификации, нуждаются в новых эвристических методов познания. Перед философией культуры и культурологией ныне стоят вопросы переосмысления принципа историзма и реновации дисциплинарной структуры культурологии, которые и были предприняты в разработке алгоритма культурологического познания в неклассической культурологии⁵.

⁵ О дисциплинарности и алгоритме неклассической культурологии см.: Забулионите А.К.И., Коробейникова Л.А. Культура как целостность в дисциплинарном проекте культурологии // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение 2016. № 4 (24). С. 47 – 60.

Неклассическая культурология сегодня складывается не порывая с классической. Но она формируется как ответ на обнаружившиеся ее апории (верховенство логического принципа над свободой и теоретической схемы над уникальным событием). Чтобы решить эти проблемы познания в неклассической культурологии перестраивается дисциплинарная структура познания. Как известно, классическая культурология в осмыслении артефакта культуры идет от теории, от логической схемы к событию. Ее теоретический конструкт выражает целостность, а факт она рассматривает как проявление некоей закономерности. Неклассическая культурология переворачивает ситуацию познания. Она исходит из приоритета события перед логической схемой. И рассматривает событие как проявление свободы, т.е. есть как аномалию, а не закономерность. Уникальный факт она раскрывает с точки зрения того, как в нем реализовалась свобода, творческий порыв человека. Центр ее тяжести перемещается в историческую культурологию, которая не есть история. Она работает с априорным знанием, т.е. обращается к методам философской реконструкции бытийного горизонта. Но в тоже время она не является чистой философией, ибо обращается к артефактам культуры, усматривая в них метафизические параметры (уникальный бытийный горизонт). Работа с метафизическим измерением культуры – это не роскошное излишество для культурологического исследования. Ибо только в перспективе бытийного горизонта аномалия предстает как ожидаемое, возможное. Ее мы можем вписать в определенный горизонт смыслов конкретной культуры.

В тех случаях, когда человек – носитель конкретной культуры отрывается от своей культурной почвы, он не лишается бытийного горизонта культуры, не смотря даже на то, что трансформации в нем происходят. Бытийный горизонт остается той системой координат, которая позволяет уловить смыслы поведения и деятельности человека. Бытийный горизонт (метафизический уровень) определяет и межкультурный диалог, возможность понимания. Встреча культур возможна на уровне смыслов и

горизонтов. Если измерение бытийных горизонтов не будет участвовать в диалоге культур – их встреча не состоится.